

ODYSSEUS

Man in History

Mutual representations
of rituals and religious practices
of adherents of different Faiths

2015–2016

MOSCOW
DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY
2017

ОДИССЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Ритуалы
и религиозные практики иноверцев
во взаимных представлениях

2015–2016

МОСКВА
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
2017

СОДЕРЖАНИЕ

РИТУАЛЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ИНОВЕРЦЕВ ВО ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Лучицкая С. И.

«Три кольца».

Ритуалы и религиозные практики иноверцев:
взгляды с разных сторон 11

Варьяш

И. И. Паломнические практики сарацин

в правовых памятниках

арагонской короны (XIV—XV вв.) 33

Астахов М. А.

Клятвы в дипломатических отношениях арагонской короны

и гранадского эмирата в XIV—XV вв 49

Толан Джон

«Ужасный шум»: звон колоколов

и крик муэдзина в межконфессиональной полемике

на пиренейском полуострове 65

Попова Г. А.

«Свято место пусто не бывает»?

Использование иноконфессионального

сакрального пространства

(пиренейский полуостров, VIII—XIII вв.) 85

Долгополов В. В.

«Твои доктора... согласны с подлинными

католическими докторами» (иудейские учителя

в *adversus judaeos* (XII — нач. XV в.):

статус и способы обозначения)..... 105

Пармонова М. Ю.

Греческие монахи в латинской Италии X в.:

Возможности и пределы адаптации 146

Чумичёва О. В.

Парадоксы «греческой веры»: между исламом,

христианством и языческими традициями 170

Чечик Л. А.

Образы «иудеев» и «мусульман»

в венецианской религиозной живописи

эпохи возрождения 187

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Избранные песнопения из *symphonia armonie celestium*

revelationum Хильдегарды Бингенской

(пер. и коммент. П. Д. Сахарова) 215

Реутин М. Ю.

Краткий очерк жизни и творчества

Хильдегарды Бингенской 232

Найджел Ф. Палмер

Аллегория и молитва: дом сердца и ковчег добродетелей

в «молитвеннике Урсулы Бегерин» 242

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Майзульс М. Р.

«Если ты бог — защищайся»:

католические модели протестантского иконоборчества 281

Карло Гинзбург

«Ножницы» Аби Варбурга 349

«ЧУЖАК»

В ОБЩЕСТВАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Симона Черутти

Кто такой «чужак» в Европе нового времени? Размышления

о юридических категориях и социальных практиках 380

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Каганович Б. С.

Переписка О. А. Добиаш-рождественской и Ф. Лота 392

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Парамонова М. Ю.

Бесы и праведники «храма науки»: мемуары а. А. Зимина.

Судьбы творческого наследия отечественных историков
второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич.

М.: Аквариус, 2015 431

Реутин М. Ю.

Там, где рождаются смыслы...

(Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков:

язык, традиция, текст. Спб.: Наука, 2014)..... 467

IN MEMORIAM

Л. М. Баткин (1932–2016)..... 487

Отто Герхард Эксле (1939–2016)..... 495

Summaries.....516

Об авторах.....523

IN MEMORIAM

М. Л. Андреев

«Я действительно этого никогда не узнаю».

Памяти Л. М. Баткина (29 июня 1932 — 29 ноября 2016)

Умер Леонид Баткин.

Он давно болел, первый инфаркт случился тридцать лет назад, потом их было еще несколько. Наконец, сердце просто отказалось работать.

Жизнестойкость у него была поразительная. Возвращаясь из

очередной больницы, он возвращался к письменному столу. На каждый новый удар болезни отвечал новой книгой: 2009 г. — об Аретино, 2012 — о Руссо, 2013 — сразу две, о всемирной истории и о своей жизни. Недописанной осталась книга о Дидро, невыпущенным — собрание сочинений.

Не покидала его и жизнерадостность, хотя поводов и оснований для нее находилось все меньше. Стоит напомнить, что в жизни Баткина был эпизод, который можно обозначить как «хождение в политику». Диссидентом он никогда не был, хотя со многими деятелями этого движения был близок и дружен и даже оказался среди авторов и создателей знаменитого «Метрополя»: обернулось это участие беседой на Лубянке и дополнительными затруднениями в обнародо-

вании его историко-культурных трудов. Но с началом перестройки кинулся в политику со страстью: создал «Московскую трибуну», заметное явление в общественном пространстве тех лет, был инициатором первого массового демократического митинга (Лужники, май 1989 г.), состоял в руководстве «ДемРоссии», участвовал в формировании Межрегиональной депутатской группы, несколько лет близко сотрудничал с Явлинским. И постоянно выступал — на митингах, съездах, совещаниях, на «Свободе» и «Эхе Москвы». Памятником этого периода остались две книги публицистики («Возобновление истории. Размышления о политике и культуре». 1991; «Шанс еще есть. Политические впечатления и раздумья трех лет после Августа». 1995) и еще одна книга, вышедшая в Нью-Йорке в 1996 г. Потом с этой деятельностью решительно порвал, но понятно, что общественно-политический ландшафт, сложившийся в последние два десятилетия, не мог не представляться ему безнадежно мрачным.

Дело, впрочем, не только в политике. Из политики Баткин ушел, когда окончательно сдулся ее романтический период и наступили будни с их неизбежной серостью и грязью. Ушел, потому что стало неинтересно, и вернулся к тому, что оставалось интересным всегда — к исследованию культуры. Возвращение, однако, оказалось непростым. В этот последний период своей жизни он начал с горечью осознавать свое научное одиночество.

Оно, конечно, имелось и раньше, но для него легко было подыскать объяснения. Сначала был Харьков, где Баткин родился, где он жил (с перерывом на эвакуацию), учился и работал до тридцати пяти лет, до дантовской вершины жизни. В Харькове просто отсутствовала интеллектуальная среда — так ему казалось, да и вообще некуда было приткнуться. После истфака (о котором Баткин вспоминал как о «мракобесном и анекдотическом заведении»)¹ он безуспешно искал работу в школе (получив из киевского министерства просвещения характерный ответ: «в школах республики мест нет»), потом на несколько лет прибился к Харьковской консерватории, где читал курс эстетики (пока соответствующую кафедру не разогнали), потом получил приглашение от М. Я. Гефтера и перебрался в Москву, в Институт всеобщей истории.

¹ Баткин Л. М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. М., 2002. С. 36.

Здесь все стало иным, изменился и сам Баткин. Переезд в столицу он считал «поворотным событием» в своей биографии². Это действительно так. До Москвы главный методологический ориентир для Баткина — Маркс, а главный исследовательский интерес — социальные структуры и идеология. В Москве ориентир — Бахтин, интерес — культура. Одиночество, впрочем, никуда не делось, но тоже стало другим. В Харькове оно было глухим и безнадежным, как в погребе, в Москве сделалось дерзким и вызывающим. Если в харьковский период можно было рассчитывать на более просвещенные столицы (и Баткин действительно находил опору и поддержку у питерских медиевистов, прежде всего, у А. Д. Люблинской), то в московский он начал расходиться и с коллегами по медиевистике. Разошелся и с большинством итальянистов.

В работах 1970–80-х гг. Баткин предложил новый взгляд на все итальянское Возрождение. Сначала в книге «Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления» (1978) описал культуру этого времени не как авторитарную, вырастающую из ряда непротиворечивых идейных установок, а как диалогическую, вбирающую в себя сколь угодно конфликтные точки зрения и не стремящуюся снять их конфликтность в некоем высшем синтезе. Затем («Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности», 1989) серьезно скорректировал традиционное понимание Ренессанса как культуры самодовлеющей индивидуальности, указав на качественные различия ренессансного индивида и новоевропейской личности. Наконец, в книге о Леонардо («Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления», 1990) выделил содержательное ядро ренессансной культурной специфики, опознав его в уникальной сочетаемости казусности и всеобщности.

Коллегам по цеху было на что обижаться. Хотя бы на широту и смелость обобщений, ведь Баткин претендовал ни много ни мало на статус нового Буркхардта. К этому надо прибавить нежелание идти в общем строю и равняться на общие стандарты — от идеологических до стилистических. Можно было обижаться даже на непривычную легкость и бойкость пера. И обижаться было тем сподручнее, что сам Баткин, будучи человеком нрава отнюдь не лилейного, не скрывал своего отношения к трудам большинства из коллег, как «эрудированным, но совершенно бесталанным и

² Там же. С. 49.

скупным»³. Так или иначе среда итальянистов Баткина отторгала (или он сам от нее отторгался), но пока что это сполна компенсировалось сознанием причастности к другой и совершенно неформальной среде.

Имя Баткина стало с середины 1970-х гг. появляться в некоторых изданиях рядом с именами С. С. Аверинцева, А. Я. Гуревича, И. Е. Даниловой, Г. С. Кнабе, А. Ф. Лосева. Мне уже приходилось публично вспоминать слова одного университетского филолога, сказанные, когда в 1976 г. вышла в свет статья Баткина «Итальянский гуманистический диалог XV в.»: «Первый раз вижу сборник, в котором есть статья Аверинцева, и она в нем не самая лучшая»⁴. Так это или не так, вопрос спорный, но бесспорно, что примерно с этого времени Баткин занял место в данном ряду не только под общей обложкой — занял в глазах тех, для кого гуманитарная наука была единственной отдушиной в идеологическом мраке.

В 90-е гг. Баткин вышел на еще более глобальный и амбициозный проект: становление личности как базисного элемента европейской культуры. Воплотился этот проект в тысячестраничном томе «Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания» (2000), где магистральный сюжет прочерчен от Августина через Петрарку к Макьявелли. Затем, как уже говорилось, он был продлен до Аретино и Руссо, должен был продлиться до Дидро и, может быть, еще дальше. Но именно в это время автору стало казаться, что его голос звучит словно бы в пустоте. «Мое личное положение на фоне общей панорамы отечественной, да и мировой гуманитарной науки было отмечено, насколько я сам в состоянии судить, непоправимой маргинальностью. Я констатирую это, естественно, без малейшего удовольствия. Но и без сожалений тоже. Просто таковы факты»⁵.

Факты действительно таковы. У Баткина нет и не было учеников и даже просто аспирантов: аспирантов, понятно, не доверяли, но ведь ученики могли образоваться и вне академических формальностей. А. Я. Гуревич тоже сетовал на отсутствие учеников

³ Это цитата из его вторых мемуаров, из «Эпизодов моей общественной жизни». Первые («Историк о себе»), опубликованные в «Пристрастиях», были посвящены биографии ученого.

⁴ *Андреев Л. М.* Леониду Михайловичу Баткину — 70 лет // *Одиссей. Человек в истории: Слово и образ в средневековой культуре.* М., 2002. С. 413.

⁵ *Баткин Л. М.* Пристрастия... С. 57.

и студенческой аудитории⁶, но потом все это появилось — меньше, чем могло бы, если бы к преподаванию допустили с самого начала, но все же не так мало (читатель держит в руках альманах, выпускаемый учениками Гуревича). Ни один из трудов Баткина о Возрождении не удостоился рецензии — опять же в советские времена было нелегко такую рецензию куда-нибудь пристроить, но нелегко не значит невозможно. Потом эти времена закончились, но рецензий как не было, так и не возникло: только на книжку о Руссо откликнулись маленькой заметкой «Вопросы литературы», и еще к семидесятилетию издали юбилейный сборник, но в нем о юбиляре написал только его старый друг А. Х. Горфункель⁷. Баткина много и охотно издавали на Западе, но картина и там ничуть не более радостная: правда, книга о Данте, дважды изданная в Италии, удостоилась активного и благожелательного обсуждения (рецензии написали Этторе Ло Гатто и Витторе Бранка, предисловие — Эдоардо Сангвинетти), зато остальные (а это и «Итальянские гуманисты», и «Леонардо да Винчи», удостоенный правительственной премии) словно ушли в какую-то глухую пустоту («Данте и его время» рецензировали и у нас, в том числе А. Я. Гуревич).

Понятно, что приятных чувств все это не вызывало: «Потребность в понимающих откликах неизбежна для каждого автора»⁸.

⁶ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 206.

⁷ Человек — Культура — История. В честь 70-летия Л. М. Баткина. М., 2002.

⁸ Баткин Л. М. Пристрастия... С. 63. Приведу один биографический эпизод для иллюстрации того, насколько остро переживал Баткин сложившуюся ситуацию. В 2014 г. я сделал доклад о споре Гуревича и Баткина (конференция была посвящена 90-летию А. Я. Гуревича, текст опубликован в прошлом номере «Одиссея»). Леонид Михайлович, узнав о докладе, попросил его прислать. Я долго с этим тянул, опасаясь, что вывод окажется для него не слишком приятен. Наконец, решил и получил совершенно неожиданный отклик: «Дорогой Миша, я в восторге от Вашего доклада-статьи. Впервые глубоко и беспристрастно понят методологический смысл нашего с Ариком спора. Прекрасно особенно то, что Вы ищете и находите наиболее существенную почву внешне-терминологического спора. Все точно — и в оценке двух “одиночеств”. Гуревич вовсе не был одинок, он “попал в струю” и имел множество продолжателей. Мое одиночество иное и фатальное (как и Бахтина, признанного во всем мире, но не понятого; как, тем более, и Володи Библера — оригинального и великого философа — вообще не понятого никем, кроме круга посещавших его удивительный семинар). Но, прочитав Вашу блестящую работу, я утешился. Хотя бы к одному человеку мой СМЫСЛ прорвался». Его одиночество

Размышляя о причинах такой научной изоляции, Баткин указывает на две: на отсутствие учителей, а также совместной работы «в школе, направлении, проекте» и на «индивидуализирующий метод» («штучная в каждом случае интерпретация в сочетании с подчиненными ей, соответственно всякий раз варьирующимися, построением и стилистикой изложения»)⁹. Все это так. У всех наших великих гуманитариев близкого к баткинскому поколения были учителя, которых они переросли, но от которых не отрекались — у Баткина не было. Была спаянность общим направлением и проектом (тартуско-московская школа — самый яркий пример) — у Баткина ни с кем и никогда (даже в домашнем семинаре В. С. Библера он чувствовал себя «чужим среди своих»). Была воспроизводимость подходов, концепций, приемов — метод Баткина, по его собственному признанию, нельзя тиражировать. Список этот можно пополнять¹⁰.

Нет ничего удивительного, что книгу о Данте в Италии встретили благосклонно — в Италии тех лет марксизм был популярен, и яркое марксистское исследование о великом национальном поэте не могло не вызвать интереса (рецензия Бранки называлась «Данте в красном цвете»). Вопрос в том, почему встретили равнодушно другие книги, еще более яркие, хотя уже без Маркса. Сам Леонид Михайлович (в приватном разговоре) пенял на неудовлетворительность переводов, в которых размылись особенности стиля. Не уверен, что все объясняется только этим. Стиль Баткина с многочисленными отступлениями, свободным синтаксисом, равным ритмом, интонационной игрой, нерутинной лексикой и при этом вполне органичный, не «внешний» по отношению к движению мысли, не инкрустированный красотами (которые иногда попадают в ранних текстах) является, конечно, привлекательной стороной его работ, но (и это не так уж парадоксально) отчасти

было действительно фатальным, если он так воспринял отнюдь не комплиментарный текст.

⁹ Баткин Л. М. Пристрастия... С. 61.

¹⁰ Вот еще одна причина: «Никто не считает Баткина своим: философ, потому что Баткин работает, прежде всего, с материалом истории культуры; историк, потому что Баткин видит в этом материале не источники и документы, а тексты; филолог, потому что Баткин извлекает из текста логические понятия и мнения» (Андреев М. Л. Гуревич versus Баткин. Спор двух эпистемологий // Одиссей. Человек в истории: *Imitatio Christi* в религиозной культуре средневековья и раннего нового времени. М., 2015. С. 9).

способствует их «маргинализации», как бы провоцируя читателя подозревать, что за нестрогостью формы скрывается нестрогость содержания. Это, конечно, не так: исследования Баткина всегда отмечены отличной проработкой источника и литературы вопроса, и он вовсе не торопится воспользоваться преимуществами «внеаходимости» и как можно быстрее перейти из «малого» времени в «большое», расходясь в этом плане с В. С. Библером. Тем не менее трудно отделаться от впечатления, что его стиль («писательский», по собственному определению) лучше подходит к не совсем академическим материям (ср., например, блистательную деконструкцию образа Сталина, как он дан в мемуарных записках Константина Симонова¹¹, или эффектный, хотя эскизный портрет Ленина в «Эпизодах моей общественной жизни»). Так что дело не в переводах.

Переход Баткина от марксизма к «бахтинизму» совпал по времени с «культурным поворотом» в западной исторической науке, в результате которого поменялась и предметность исторических исследований, и набор основных концептов. Работы Баткина были посвящены культуре, т. е. предмету остро актуальному, но оперировали понятиями предыдущей, социально ориентированной интеллектуальной матрицы, личностью в том числе¹². В глазах западного гуманитария они словно оказались в зазоре между двумя научными парадигмами — ни нашим, ни вашим. Интеллектуальная мода такого не прощает.

К раздумьям о своем научном одиночестве Баткина, конечно, подталкивало не честолюбие, а вполне естественное для всякого большого ученого беспокойство о смысле и долговечности им созданного. «Не ведаю, войдет ли то, что я пытался сделать, в состав исторической науки или останется на обочине и там засох-

¹¹ Сон разума. О действительных социально-культурных масштабах личности Сталина // *Баткин Л.* Пристрастия. С. 476–545.

¹² По классификации И. М. Савельевой ключевыми понятиями словаря историка 1960–1970 гг. являются класс, общество, прогресс, процесс, эволюция, традиция, модернизация, конфликт, структура, парадигма, циклы, кризис, стадии, порядок, личность. Начиная с 1980-х гг. по настоящее время — культура, дисциплинирование, эпистема, трансфер, идентичность, ритуал, парадигма, деконструкция, плотное описание, agency, reciprocity, mediation, гендер, subaltern, participation, negotiation, гибридность, метисизация, расизация, лиминальность, дискурс. Все понятия первой группы являются ключевыми и для Баткина, большинство понятий второй в его словарь не входит.

нет. Я действительно этого никогда не узнаю»¹³. Не знаем этого и мы. На данный момент можно говорить, что в случае Баткина мы наблюдаем типичный пример «противофазы», по Роберту Возняку¹⁴. Но фаза и противофаза сменяют друг друга, образуя, по тому же автору, «эффект маятника». Не хочется даже и думать, что такой блеск и изощренность мысли, такая преданность делу своей жизни, такая широта взгляда останутся на обочине, что маятник не качнется в другую сторону.

---

¹³ Баткин Л. Пристрастия. С. 62.

¹⁴ Савельева И., Полетаев А. Классическое наследие. М., 2010. С. 69.